

К 100-летию начала подвига
Новомучеников и исповедников Церкви Русской

Умей любить, умей прощать

«Умей любить, умей прощать»

Мне навсегда запали в души эти слова из проповеди о. Иоанна Крестьянкина, в памяти звучит голос старца, услышав который один раз, понимаешь, что он эту заповедь соблюдал и не смогли потушить в нем пламя искренней любви к людям и Богу годы заключений в лагерях и тюрьмах.

Новомученики и исповедники российские. Почему-то в современном обществе эту тему обходят стороной, то ли от того, что недостаточно мы знаем, то ли от того, что не затянулась еще рана, нанесенная многострадальному народу, то ли от того, что в глубине души для себя понимаем – мы бы так не смогли.

Эти черно-белые фотографии, письма, папки с уголовными делами, до мурашек пробирающие кадры кинохроники, даты, даты, бесконечные даты, статьи, обличающие режим и власть, мы забыли о том, что главное – это их лица, глаза, смотрящие на нас из своей суровой реальности. На сегодняшний день в лике святых прославлено более 1700 имен, за каждым из которых своя история, в чем-то похожие, в чем-то отличающиеся, но точно всех объединяло одно - они все умирали за Христа, «Не в силе Бог, а в правде» - это про них. В их взглядах читаются спокойствие и трагизм, душевное равновесие и роковая печать. Они всё понимали, они знали, на что они идут и ради чего. Это нельзя назвать верой – это знание.

Почему-то вдруг мне захотелось узнать, за что готов пойти на смерть современный человек, опрашиваемые – те, кто стоит в начале своей взрослой жизни, «веселый и находчивый народ». Удивительно, все как один сказали, что умереть можно за свое дело, за науку, за результат, среди десятков опрошенных ни один не вспомнил о близких, о Родине и, уж тем более, о вере. Мы другие, нет в нас той силы духа, которая была у тех людей с фотографий, при всей данной нам свободе мы разучились любить жизнь,

любить окружающих людей, радоваться простым мгновениям, разучились думать, это делают за нас, превращая в управляемую массу, разучились благодарить за каждое мгновение. Я не хочу сказать, что все такие, что и наше, и последующие поколения обречены, просто пора признать, что годы атеистической блокады людского сознания не прошли бесследно.

Простая беседа о смысле жизни с друзьями, время далеко за полночь, таких, может быть, в силу возраста, стало слишком много, споры, позволяющие не чувствовать себя «тварью дрожащей».

– Вот скажи мне, что, если бы в твою дверь сейчас постучали, и ты бы знал, что больше ты никогда не вернешься, черный «воронок» на улице или что еще похуже, что бы ты чувствовал?

- Смятение, страх, обиду, да что угодно. То же, что чувствовала бы курица, если бы знала, что ее убьют. Какое право кто-то имеет распоряжаться моей жизнью?

В голове проскакивает «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят», улыбка Патриарха Тихона и одновременно мужественный и беспомощный взгляд наследника престола царевича Алексея.

Для меня всегда страшно звучали евангельские слова: «Кровь его на нас и на детях наших». В какой-то момент начинаешь задумываться, а что, если история циклична? Вспоминаешь про прадеда, который раскулачивал, про подвал в маленьком сибирском городке, где несколько лет назад нашли сотни расстрелянных, среди которых были твои родственники, про епископа Василия Родзянко, всю жизнь отмаливавшего грехи дедушки и становится жутко.

Страшно, что наше общество предаст забвению события совсем недавнего времени, и к 100-летию отречения от престола последнего государя Российского и его мученической кончины происходит раскол общества из-за нестандартных и неприятных человеку верующему

режиссерских фантазий по поводу тех событиях. С пеной у рта защищая или борясь с «Матильдой» мы забываем о том, что безвинно погибла семья, что мы потеряли великую империю, мы забываем о том, что честь святого невозможно запятнать, а чувства верующего нельзя оскорбить.

Недавно мне на глаза попала статья инокини Евгении Синьчуковой, в которой она обращает внимание на то, что среди репрессированных были люди и неправославные, и вовсе не верующие, но все они походили на Христа. Они так же пострадали невинно, и поэтому они рядом с Ним. Это напомнило мне о важной странице в жизни моего университета, о которой я хотела бы рассказать.

«Для вящего утверждения воспитанников в законе Божием, предмета столь священного и нужного, учредить и содержать впредь в Горном Кадетском корпусе церковь нашего исповедания» - гласил Устав Горного

Кадетского корпуса. 212 лет назад был освящен единственный в нашей стране храм Преподобного Макария Египетского, наше университетское «окно в небо», место, где помнят и поминают в молитвах каждого, кто был причастен к жизни Горного университета.

Не сказать о том, что за годы советской власти пострадали не только люди, было

бы большим упущением, ведь около 50-ти тысяч храмов было уничтожено и закрыто, больше тысячи монастырей. 70 лет повсеместного богоборчества не прошли даром и для храма Петербургского Горного института, десятки лет ютились в его стенах сначала кинотеатр, потом спортивный зал, полностью был уничтожен фасад здания, крест и барельеф, внутреннее убранство.

Говорят, что на месте когда-либо освященного храма неотлучно находится Ангел, не важно, цел ли этот храм или разрушен, творится ли там молитва или находится он в запустении, там, где

был престол, продолжает пребывать невидимый Хранитель. В 2001 году по инициативе ректора В.С. Литвиненко и при поддержке Ученого Совета Горного института было принято решение о восстановлении храма Преподобного Макария Египетского. После долгой работы храм был воссоздан и в 2004 г. освящен Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II.

Поступив сюда учиться, я однажды нашла среди многочисленных корпусов университета эту церковь и...решила остаться. В первый же мой

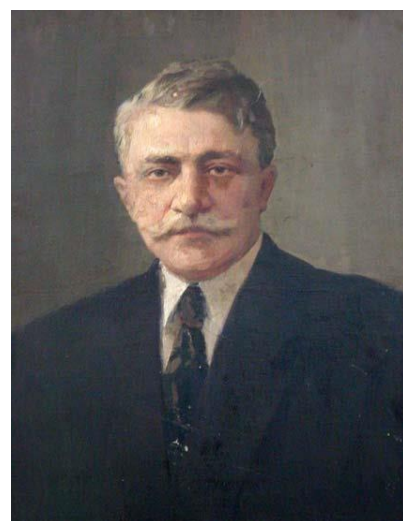
приход мое внимание привлекли лежащие на аналое Синодики, находящиеся в открытом доступе, открываешь, а там имена, имена, имена – еженедельно поминаются за богослужениями директора Горного университета за всю его историю, преподаватели,

участники Великой Отечественной войны, те, кто в годы блокады находился в осажденном Ленинграде и те, кто трудился и трудится сегодня в университете рядом с нами.

Особое место занимают преподаватели и выпускники, пострадавшие в годы репрессий. Один из них – выдающийся профессор Анатолий Капитонович Болдырев, чья жизнь, втянутая в бурлящий водоворот роковых исторических событий, изобилует самыми опасными поворотами и причудливыми метаморфозами. Он успел побывать и в ссылке, и во многих экспедициях, но до конца своих дней он стремился в родной Петербург – Петроград – Ленинград.

Анатолий Капитонович Болдырев родился 26 октября 1883 года в городе Грайвороне Курской губернии в семье купца II гильдии, здесь будущий ученый окончил церковно-приходскую школу. Быть может именно в школе были заложены те качества, которые потом помогли ему в его многообразной научной деятельности и непростой жизни. Первым учеником он окончил Харьковское реальное училище, в 1901 году поступил в Петербургский горный институт, который окончил лишь в 1919-м.

Признанный глава советских кристаллографов, имеющий громадный авторитет в мировой науке, профессор Ленинградского горного института,

доктор геолого-минералогических наук Болдырев внес значительный вклад в научное изучение минералогии Северо-Востока. Но на Колыму этот выдающийся ученый попал не по своей воле....

Анатолия Капитоновича арестовывали не раз, в 1910 – за участие в студенческом движении сослали на три года в Пермскую губернию, в 1921 – как бывшего эсера, после того, как подняли мятеж кронштадтские моряки, в 1931 – «для

профилактики», и последний, 1939, на пять лет колымских лагерей без поражения прав. «С 1933 года являлся участником антисоветской эсеровской организации и на нелегальных сборищах одобрял террористическую деятельность троцкистов, зиновьевцев и правых» - бездушная формулировка протокола, навсегда разделившая его жизнь на две части. Его направили на строительство Усть-Тасканской электростанции...землекопом. Жил всю зиму в брезентовой палатке, был определен на рытье котлована. Суровые северные условия, бессмысленный изнуряющий труд, и в это же время из-под руки 56-летнего ученого выходит самая настоящая научная статья «О рациональных методах ручной снегоочистки», результат – не одна сотня тысяч человеко-дней экономии.

В ноябре 1940 года А.К. Болдырев привезен с Усть-Таскана в Магадан, где появляется

фундаментальная «Минералогия Северо-Востока», в то же время профессор не отрывается от насущных нужд производства, разрабатывается теоретически обоснованная методика подсчета запасов, которая вошла в историю как «метод Болдырева». В 1943 году, когда Анатолию Капитоновичу исполнилось 60 лет, главным подарком стало освобождение из лагеря, пусть без права выезда, зачисление на должность старшего геолога и консультанта НИО и комнатка в коммунальной квартире. Вы ведь помните глаза жены Штирлица во время их встречи? Профессору Болдыреву повезло больше, Анну Михайловну, его супругу, привезли к нему в Магадан. Когда я готовила материалы о профессоре, на этом моменте в памяти начинал играть бессмертный голос Анны Герман: «Мы память, мы память, мы долгая память друг друга...» - это ведь и про эту, и про тысячи других разлученных семей. От жены Болдырев узнал о блокаде родного города, о пострадавшем во время бомбежки горном институте, о поврежденном кристалле-берилле (в 1930 году Анатолий Капитонович и его сотрудники привезли этот образец в Горный музей), о котором профессор сказал так: «Память должна сохраняться не только о погибших людях, но и минералах, пусть таким и остается кристалл – раненым и покалеченным». В 1945 году указом Президиума Верховного Совета СССР А.К. Болдырев был награжден орденом «Знак Почета». Это была надежда на снятие судимости и полное освобождение, надежда на новую спокойную жизнь. 26 марта 1946 года профессор Болдырев поехал по льду бухты с лекцией к ольским рыбакам, пикап провалился, шофер утонул, Анатолий Капитонович выбрался из полыньи, вскарабкался по отвесному берегу, присел отдохнуть и замерз, в Петербурге раненый кристалл берилла так и не дождался своего хозяина, который навек остался в магаданской земле.

В лагерях, ссылках, на каторжных работах и у расстрельных стен были уничтожены миллионы людей, цвет нации. Ученые и безграмотные, богатые и бедные, с разным отношением к жизни, политике, вере – все они в одном строю.

3 февраля 1938 года был подписан еще один приговор и 18 февраля по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде были осуждены и в тот же день расстреляны ученые-геологи Н. В. Бобков, Г. Н. Фредерикс, В. Ю. Черкесов и Дмитрий Иванович Мушкетов, доктор геолого-минералогических наук, директор Ленинградского Горного института.

Сын выдающегося русского учёного, геолога и географа, знаменитого путешественника Ивана Васильевича Мушкетова, советский геолог, специалист в области региональной геологии и тектоники, основоположник систематического картирования Средней Азии, выдающийся ученый и нелепый приговор, стоивший жизни.

В 1907 году Дмитрий Иванович закончил Горный институт, после чего начал работать в Геологическом комитете, через 8 лет получил звание профессора. Под руководством академика В.И. Вернадского в 1909-1916 годах он участвовал в экспедициях в Ферганской долине. Его научный интерес не ограничивался одной Средней Азией, профессор изучал Восточную Сибирь, Якутию, Дальний Восток, Донецкий бассейн, Кавказ, Мессинское землетрясение в южной Италии.

Он в совершенстве владел немецким, французским и английским языками, 14 раз выезжал в страны Западной Европы, Северную Америку, Южную Африку, Китай, Японию для проведения исследований и это в советские то годы, всего через 20 лет после октябрьского переворота, когда за границу выезжали единицы! Был членом геологических и географических обществ Германии, Бельгии, Франции, Англии, Китая, США. Он

действительно пользовался мировой известностью и огромным авторитетом среди геологов.

С 1918 года Д.И. Мушкетов - директор Горного института, заведующий кафедрой общей геологии, с 1930 года — директор созданного им при Горном институте Института прикладной геофизики им. В. И. Баумана. В 1926 году он возглавил Геологический комитет, Геологический отдел Сейсмологического института АН СССР и Отдел тектоники Геологического института АН СССР. В 1928 году организовал проведение 3-го Всесоюзного геологического съезда в Ташкенте. В 1931—1932 годах руководит научным кружком Геологического института.

23 января 1936 года по представлению Ленинградского горного института Д. И. Мушкетову была присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук, по совокупности научных трудов, без публичной защиты диссертации.

Он был выдающимся ученым своего времени, многих специалистов и сейчас привлекают его исследования по сеймотектонике и сейсмическому районированию. Но очень важным является и тот факт, что, добившись таких

высот в науке, с высоты своего положения, он оставался человеком чутким, добродушным, был одинаково любезен с каждым.

Е. В. Павловский и С. С. Шульц — сотрудники Геологического института АН СССР — вспоминали: «С нами, своими молодыми коллегами, Дмитрий Иванович держался очень просто и буквально всем своим существом импонировал нам — и своим авторитетом, и одним обликом своим, к которому как нельзя более подходит определение импозантный. Даже то, как он входил в отдел, было зрелищем впечатляющим. В определенные дни недели, бывая в отделе, Дмитрий Иванович знакомил нас с новейшей литературой, новыми идеями в области тектоники, охотно делился своими знаниями, стремился всемерно помогать нам. Мы же должны были отчитаться в том, что нами сделано. И готовились к этому с особой тщательностью — уровень культуры и знаний Дмитрия Ивановича иного не позволял».

О. С. Вялов, который был знаком с Д. И. Мушкетовым по Геологическому комитету, в 1931 — 1932 гг. работал его ассистентом в Горном институте по курсу региональной тектоники, вспоминая о Дмитрие Ивановиче, говорил: «Мне очень хотелось сделать хоть что-нибудь для того, чтобы память о нем не заглохла, чтобы попытаться показать, какой он был изумительный человек, ученый и великий патриот своей Родины».

В 1937 году один из крупнейших и авторитетнейших ученых мирового геологического сообщества был арестован органами НКВД Ленинградской области вместе с другими геологами из-за якобы принадлежности к «контрреволюционной фашистской вредительской террористической организации, действовавшей с 1930 года и возглавляемой Д. И. Мушкетовым».

После доклада «О культе личности и его последствиях», сделанного Н. С. Хрущевым 25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС, начался пересмотр дел

безвинно осужденных и расстрелянных граждан. В числе таких жертв оказался и Д. И. Мушкетов.

Каждую среду в храме Горного университета служится молебен о ныне здравствующих и панихида о почивших, каждую неделю поминает община храма среди прочих «приснопоминаемых» Анатолия и Димитрия. И каждый из нас знает, что пока стоит этот храм, молитва за живых и ушедших не перестанет. Это и есть преемство поколений - наша молитвенная память.

Новомученики – этот термин стал широко употребляться лет 20-25 назад, когда после падения советской власти открылись архивы КГБ и стали известны судьбы тысяч людей безвинно осужденных. Самые простые люди с самыми сложными судьбами, святые, близкие нам по времени, мученики, шедшие умирать за веру, за правое дело. Сколькие из них на доносах, которые сопровождалось побоями и пытками не говорили никаких имен, зная, что любой названный тотчас же будет арестован.

Вина за те события лежит и на нас, но почему-то не хотим этого осознать. Этот геноцид не имеет аналогов в истории Русского государства. Были обозначены конкретные цифры врагов народа. Это была компания по самоуничтожению.

Что должны делать мы? Простить, помнить и молиться. Простить, чтобы каждый день начинать с чистого листа, помнить, чтобы не повторялись подобные трагедии, молиться, чтобы чувствовать себя братьями и сестрами у одного Отца Небесного. Помнить тайные богослужения и Пасхальную службу на Соловках в епитрахили митрополита Филарета Колычева, помнить машины с надписью «хлеб», в которых навсегда увозили заключенных на расстрел, помнить нашу русскую Голгофу. Никогда не забывать о том, что каждый из нас в любое время, при любой власти, в любой ситуации должен оказаться верным, иначе какие мы православные? И

почаще со смирением произносить простую молитву: «Святити новомученицы и исповедницы Церкви Российской, молитесь Бога о нас!»